

ПРИЖИЗНЕННАЯ ПОМОЩЬ ИОАННА ЯКОВЛЕВИЧА: СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОК ОБ ИСЦЕЛЕНИИ И ПРОЗОРЛИВОСТИ

Многие современники оставили свои свидетельства об исцелении и прозорливости дивного подвижника XIX века, Иоанне Яковлевиче Корейше, юродивого Христа ради, который провел в подвигах юродства и самоуничижении более 46 лет, в Преображенской больнице. Но именно благодаря столь печальному факту его биографии, Ивана Яковлевича узнали многие. За советом к нему ехали со всей России.

Боголюбов, был зрителем при Иване Яковлевиче и рассказывал о нем следующее: «На третий день по прибытии Иоанна Яковлевича из Смоленска моя младшая дочь заболела и в бреду металась на кровати. Услышав случайно от людей, доставивших в нашу больницу Иоанна Яковлевича, что он лечит все болезни и разгадывает сокровеннейшие тайны, я решил отправиться к нему спросить, чем больна и выздоровеет ли моя дочь? Не успел я войти в его комнату, а Иоанн Яковлевич уже предупредил готовый сорваться у меня с языка вопрос, громко сказав подметавшему комнату служителю: «Ох, больно, жалко! Ох, корь, корь – три дня помечется, повысыпет, на третий день – здоровье». Спустя два часа приехал врач, подтвердивший, что у дочери корь. Вторая часть предсказания также сбылась: на девятый день дочь моя выздоровела». 21 февраля 1819 года Иоанн Яковлевич позвал Боголюбова и, когда тот вошел в комнату, закричал: «Прими странника в дом!» Не ожидая никаких гостей в дом, Боголюбов подумал, что эти слова не относятся к нему. Иоанн Яковлевич, повернувшись к нему, опять закричал: «Эй, ты, прими странника в дом!» Желая успокоить Иоанна Яковлевича, зритель пообещал исполнить его просьбу и, вернувшись домой, приказал дежурному принять странника в дом, если такой покажется. К вечеру подъехала к больнице кибитка, из которой с трудом вышел священник, попросивший позвать зрителя. Приехавший назвал себя протоиереем Павлом Корейша, прибывшим из г.Павловска для свидания со своим братом Иоанном Яковлевичем. Не успел о. Павел подойти к запертой двери комнаты блаженного, как тот стал звать брата по имени, ударяя по двери кулаком и прося сходить за отпиранием двери дневальным. При беседах двух братьев всегда находился дежурный служитель, который рассказывал все виденное и слышанное, и уверившиеся в праведнике служители приводили с собой жен и детей, желавших узнать будущее и воспользоваться советами, их изумлявшими. По приходе домой, они рассказывали о нем своим соседям и знакомым, в свою очередь рассказывавшим все ими слышанное остальным москвичам. Многие из них посещали Иоанна Яковлевича с 1822 по 1828 год после утреннего врачебного обхода.

Заточение юродивого в подвале продолжалось около одиннадцати лет, и причиной некоторого улучшения его положения послужило следующее событие. Супруга князя Дмитрия Владимировича Голицына, желая убедиться в справедливости слышанного, приехала однажды вечером в Преображенскую больницу, зашла к блаженному Иоанну и спросила: «Где находится в настоящее время муж мой?» Иоанн Яковлевич назвал один знакомый княгине дом, чем немало удивил ее. Но еще более удивилась княгиня, когда, приехав домой, она узнала, что муж ее действительно провел вечер там. Это происшествие, рассказанное княгиней многим, привело к разрешению князя видаться посетителям с Иоанном Яковлевичем. Врачи стали смотреть на посетителей сквозь пальцы, а злоупотребления увеличились. Так продолжалось до 1828 года, когда главным врачом больницы стал действительный статский советник доктор медицины Василий Федорович Саблер.

Убедившись на собственном опыте в невозможности прекратить допуск посетителей к юродивому, Саблер решил исходатайствовать у московского Генерал-губернатора князя Голицына разрешение свободного допуска посетителей к блаженному со взятием с каждого из них двадцати копеек серебром на улучшение жизни больных. В 1833 году было по этому образу утверждено новое положение. Приобретения Преображенской больницы по такому положению за время пребывания в ней Иоанна Яковлевича составили капитал в несколько тысяч рублей.

Часто Иоанн Яковлевич отвечал не на вопрос, а на мысль приходившего к нему. С бедных по его просьбе не брали платы за вход; между ними он делил все ему приносимое. С богатых, желавших ему пожертвовать, также ничего не брал, указывая на общую кружку. Главный врач больницы Василий Феодорович Саблер уверился в прозорливости Иоанна Яковлевича после следующего случая. Доктор решил показать блаженного одной госпоже Ланской. При этом Иоанн Яковлевич стал просить доктора снять левый сапог, приговаривая: «Узок больно». Доктор, не обращая внимания на слова «больного» и разулся на левую ногу только по настоянию Ланской. После получасовой беседы с блаженным Василий Феодорович обулся и, усмехаясь над случившимся, поехал домой. По дороге домой лошади понесли, и Василий Феодорович, испугавшись и выскочив из кареты, упал и сломал левую ногу. Дома нога до того распухла, что сапог нельзя было снять без разреза. Ланская вспомнила предсказание блаженного Иоанна и указала доктору на совпадение происшествия с ним, после чего доктор поверил юродивому и всегда был к нему благорасположен. Если раньше прозорливость Иоанна была лишь частным внешним проявлением благодати Святого Духа, наполнявшей старца, то с некоторых пор она стала и основным духовным подвигом юродивого на благо и спасение слабых в вере и благочестии горожан.

Однажды приехала к Иоанну Яковлевичу богатая барыня с вопросом, когда ей ждать мужа, извещавшего ее о своем скором приезде. После нескольких повторов вопроса Иоанн Яковлевич расплакался, на что барыня очень рассердилась. Когда же она засобиралась домой, Иоанн Яковлевич сказал: «Вдовица! Вдовица! Почему в цветном, а не в черном?» Барыня еще больше рассердилась, а по возвращении домой нашла на столе письмо, извещавшее ее, что муж ее скончался в дороге от удара.

В 1821 году Волхов, решив проверить прозорливость Иоанна Яковлевича, спросил его, скоро ли его жена приедет из Петербурга, хотя сам не был на то время женат. Блаженный ответил на это, что тот не женат, но скоро женится; и затем по-гречески и по-латыни описал ему на несколько десятков лет его занятия, успехи и неприятности, прибавив по-русски: «Живи как живешь, трудись как трудился, и хорошо тебе будет». Хотя Волохова поразила улика о его неженатости, но в остальные предсказания он не поверил. Однако через десять лет он начал убеждаться в правоте Иоанна Яковлевича и стал посылать ему многочисленные записки с вопросами через знакомых. И однажды в 1846 году юродивый передал, что даст ответ только по приезду вопрошавшего. Когда г. Волохов подошел к его двери и положил руку на щеколду, чтобы открыть, то услышал голос за дверью: «Вот двадцать пять лет не видались и увидимся опять». Увидев же вошедшего, Иоанн Яковлевич произнес: «Двадцать пять лет мы с тобой не видались, дедушка». После чего рассказал все подробно, что произошло с вошедшим Волховым за прошедшие двадцать пять лет.

Иным Иоанн Яковлевич брал булавки, приказывал бросать за себя, приговаривая: «Колочий язык притупить надобно», прикровенным юродством обличая осуждение ближних и грубость речи. Блаженный вообще резким духовным глаголом обличал грехи языка, внушая, что они страшнее яда змиина, по словам Священного Писания. Так, приехавшую к блаженному слугу одной вдовы старец ударил по губам со словами: «Злой язык», и она призналась, что поругалась с подругой. Однажды с Екатериной Григорьевной Палицыной к Иоанну Яковлевичу приехала монахиня (в дальнейшем игуменья Влахернской обители) с сомнением по поводу Иоанна Яковлевича. Она мысленно решила, что если юродивый заговорит с ней о Божией Матери, то она будет иметь веру к нему. Лишь только она вошла, Иоанн Яковлевич запел: «Радуйся Благодатная, Господь с Тобою». Потом сказал: «Тебе бы, матушка, надо натирать уксусом ноги на ночь», на что она призналась, что не спит ночью от сильного жара и ломоты в ногах. Средство, подсказанное Иоанном Яковлевичем, помогло ей.

Часто Иоанн излечивал посетителей от особо тогда распространившегося недуга пьянства, иногда даже тех, кто пришел к нему «от нечего делать». Так, один господин, более десяти лет страдавший беспробудными запоями, придя к юродивому и сев близ него, тяжело вздохнул. В ту же минуту блаженный спросил, что за «животина там вздыхает»? Когда мужчина отозвался на вопрос, Иоанн добавил: «Что ж ты так тяжело вздыхаешь, словно обремененная лошадь?!» «Кому же вздыхать, как не мне?» – с горечью ответил посетитель. «Тяжело тебе жить, – произнес на это Иоанн, – а ты скажи хозяину: ну тебя с твоей тяжестью, не одолею возить. А после что: баба с возу – кобыле легче!» Выйдя от блаженного и дойдя до дома, мужчина вдруг заметил, что пропустил зайти в попутное заведение выпить по обыкновению. Решив на это, что ничего не мешает ему выпить и дома, он направился в комнату, где обычно хранилось спиртное, но, хотя и нашел налитый вином графин, смотрел на него, как на заполненный обычной питьевой водой. То же самое повторилось на второй и на третий день. Заметив, что десятилетнее влечение к вину уже более не возвращается, он понял шутку Иоанна и на четвертый день поспешил поблагодарить благодатного целителя, но приложился уже к мощам только что почившего сном праведника.

Далеко не все, даже из регулярно посещавших Иоанна, были проникнуты его благодатием, многие также ничуть не изменяли своих греховных наклонностей. Иоанн всегда нелюбезно и зачастую жестко обличал, и исправлял таких посетителей. Если подобное случалось с вообще-то добропорядочным человеком, то последний сразу же становился добрым почитателем праведника и пользовался его духовным руководством и молитвами долгие годы. Если же посетитель приходил поглазеть на «шарлатана-проицателя», который к тому же «угадывал» его грехи и страсти, то такой посетитель всячески стремился потом в разговорах или через печатное слово «разоблачить шарлатана». Такие «посетители» в бурных волнах распространявшегося тогда безбожия и суеверия находили множество благодарных слушателей, зачастую далеких не только от старца физически и духовно, но и от православной веры вообще.

Один из таких господ при посещении Иоанна заметил на одной из вошедших к блаженному барынь хороший и дорогой платок и позавидовал ей. Вдруг Иоанн начал обшаривать вокруг себя, как будто чего-то ища. На вопрос той барыни, что он ищет, юродивый спросил в ответ: «Чем это так сильно пахнет и от кого это?» Хотя в комнате было около шестидесяти человек и неудивительно было почувствовать какой-нибудь запах, но юродивый, повторив свой вопрос, обратился к упомянутой барыне. Она решила, что блаженному понравились ее духи и предложила их целый флакон, но блж. Иоанн попросил ее платок. «Извольте, извольте», – отвечала она. Взяв платок, он взглянул на упомянутого посетителя и со вздохом сказал: «На, убери, спрячь его». Барыня же крайне возмутилась на это: «Как, Вы мой платок отдаете другому, я ни за что не отдам его. Верните назад, не имеете права пользоваться чужой собственностью!» Платок же в это время уже был выносим тем посетителем, который поспешил уйти с приобретением, ему не принадлежащим. Когда он уже переступал порог комнаты Иоанна, резкая боль в большом пальце ноги пронзила его, и еле добравшись до дома молодой человек вскоре совсем потерял ноготь на пальце. В таком мучительном состоянии он находился несколько дней, думая, что и в аду мучения будут легче. Накануне праздника мчч. Бориса и Глеба больного сморил легкий сон, и, едва тот уснул, как услышал над собой разговор. Один спрашивал другого: «А здесь что лежит?» Другой ответил, что тут хворост выжигают. Молодой человек открыл глаза и увидел двоих, прошедших над ним по воздуху. С этого дня ему стало легче. Когда же, при первой возможности, он посетил Иоанна, который, печально взглянув на вошедшего, прикоснулся ногой к пальцу его ноги и сказал: «Аще пищу и одеяние имеем, тем и довольни да будем. Сказано: не пожелай дому искренняго твоего, ни села его, ни скота его, ни всего того, что видишь в руках ближняго твоего» и улыбнулся. Иоанн хотел вразумить не столько, похитителя, сколько лжемилосердную барыню.

Литература:

1. Палицына Екатерина Григорьевна «Сведения о жизни Ивана Яковлевича Корейши» 1869г. Киреев А. Ф. «Юродивый Иван Яковлевич Корейш. « 1894г.